

OLEG I. ADAMOV

О.И. АДАМОВ

THE VAGUE OUTLINES OF THE ISLANDS OF ARCHITECTURAL THEORY

While the discussion, the participants of the round table «Theory» tried to outline the state and to reveal the actual problems of contemporary theoretical thought in architecture, urban planning and architectural studies. It became clear that today there is no integral and all-embracing system of theoretical knowledge but the separate and at times disparate realms of theoretical interest are existed, where some local tasks of architectural reality comprehension are examined. The questions of development of the theoretical discourses, the processes of generation and functioning of meanings and images, the space construction and form creation and also the kinds of design activity studies are broached. The necessity for raising the theoretical problems, search for the innovative research approaches and support of the new forms of theorizing within the changing social and economic conditions are marked.

Key words: Theory of architecture, history of architecture, architectural practice, architecture, urban planning, urban environment, space, tradition, utopias, research methods, interdisciplinary interactions, world outlook

СМУТНЫЕ ОЧЕРТАНИЯ ОСТРОВОВ АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕОРИИ

В ходе дискуссии участники круглого стола «Теория» старались обрисовать состояние и обозначить актуальную проблематику современной теоретической мысли в архитектуре, градостроительстве и архитектуроедении. Выяснилось, что сегодня отсутствует целостная и объемлющая система теоретического знания, и существуют отдельные, порой разрозненные ареалы теоретического интереса, где рассматриваются и решаются локальные задачи осмысливания архитектурной действительности. Затронуты вопросы развития теоретических дискурсов, изучения процессов порождения и функционирования смыслов и образов, построения пространств и формообразования, изучения форм проектной деятельности. Отмечена необходимость теоретической постановки проблем, поиска инновационных исследовательских подходов и поддержания новых форм теоретизирования в изменяющихся социально-экономических условиях.

Ключевые слова: Теория архитектуры, история архитектуры, архитектурная практика, архитектура, градостроительство, городская среда, пространство, традиция, утопии, методы исследования, междисциплинарные взаимодействия, мировоззрение

Куда ж нам плыть?..

В.Н. Топоров
Эней – человек судьбы. [1, С. 89.]

В течение ряда лет на страницах российских научных архитектурных журналов не проводились дискуссии среди архитекторов, градостроителей и архитектуроведов, в которых затрагивалась бы фундаментальная для развития архитектуры тема – ТЕОРИЯ.

Подобный широкий и свободный обмен мнениями представляется важным, поскольку позволяет осмысливать состояние и направленность современной теоретической мысли, выявлять пути и способы концептуализации в архитектуре и градостроительстве, а также предвосхитить и в какой-то мере повлиять на будущие тренды самовоспроизведения профессии.

Потенциальным участникам круглого стола был предложен вводный текст, призванный обозначить – пусть, в самом первом приближении – проблемную ситуацию в современной архитектуре в её взаимосвязи со становлением и развитием особенных форм теоретизирования и отдельных теоретических положений, а так-

же попытаться поставить существенные вопросы, с обсуждения которых можно начать обмен мнениями. При подготовке вводного текста был проведен опрос российских и зарубежных авторов, проявляющих интерес к развитию теоретического дискурса.

Обсуждение темы круглого стола проходило в непосредственном личном общении, в виде интервью, в общении по телефону, а также в виртуальном пространстве (переписка по электронной почте).

В ходе открытого обмена мнениями возникли различные интерпретации предложенной темы в нескольких наметившихся смысловых плоскостях и вырисовались отдельные ареалы теоретического внимания с достаточно размытыми и не вполне определенными границами. Кроме того, проявились и вновь заявили о себе в качестве актуальных вполне традиционные дискурсы, «оживились» и наполнились новыми смыслами, казалось бы, ранее «пересохшие русла» и

течения теоретизирующей мысли.

Вместе с тем, при известной свободе дискуссии – с её едва наметившейся конвой – обнаружились отдельные точки соприкосновения и области совпадения или частичного наложения, казалось бы, независимых теоретических ареалов, очерченных текстами авторов.

Каждый из них излагал персональное представление о данной проблематике, находя в ней острые и контрастные моменты и исходя из собственного научного интереса, по-своему сформулированной теоретической позиции.

Дискуссия началась с Анонса:

Начиная с Античности, архитектурные теории, оформленные в трактатах и программных текстах или передаваемые изустно, неизменно сопровождали проектную практику архитекторов, вдохновляя и направляя их идеинные поиски.

В 70-80-е годы XX века отмечались попытки формулирования архитектурных теорий в русле широкого междисциплинарного взаимодействия с бурно развившимися тогда гуманитарными дисциплинами: философия, психология, социология, лингвистика, семиотика, и др.

В наше время подобные культурные влияния, отголоски общенаучных трендов, на воззрения архитекторов тоже прослеживаются. Однако они скорее проявляются в декларативных заявлениях, становятся данью моде, а реальная архитектурная практика всё больше сводится к требованиям строительства и развивается автономно. Архитектурные теории сегодня порой не предполагают учета конкретики места, знания его истории, понимания культурных смыслов, что прежде считалось прерогативой теории.

В этой ситуации, естественно, возникают вопросы:

Каково современное состояние архитектурной теории и горизонты её развития во взаимоотношении с историей и практикой архитектуры, с архитектурным образованием?

Возможны ли сегодня представить себе теоретические тренды, способные связать архитектурную мысль и междисциплинарные влияния? Возможно ли обозначить современные методы исследования в архитектурной теории и предвосхитить появление новых теоретических подходов?

Боков Андрей Владимирович (Москва) своим интервью «Теория. Город. Среда» задаёт определённо направление дискуссии, рассуждая об истоках архитектурной теории, которые усматривает в её неразрывной связи с архитектурной практикой, понимаемой как организованная проектная деятельность. Архитектурная практика, – которую должна отражать, а, главное, опережать и предопределять теория, – в свою очередь, связана с городом, городской средой и особым укладом жизни человека в его окружении. [2]

А.В. Боков делает краткий обзор теории архитектуры как области знания, которая развивалась параллельно и во многом под влиянием истории архитектуры, фактически преыбывая под её эгидой и находя в ней свою опору и обоснование. В то же время, теория не может быть сведена к истории стилей и тенденций, к тонким рефлексиям по поводу архитектурных феноменов – взгляд назад. Теория архитектуры, которая во многом сформировалась как запись идей и воззрений архитекторов, конституируется в

своей предвосхищающей функции – призвана «рисовать картины будущего», создавать утопические концепции, прежде всего, градостроительные утопии.

А.В. Боков выделяет утопии XX века, оказавшие «жёсткое» воздействие на мировоззрение теоретиков и во многом предопределившие содержание архитектурно-градостроительных теорий: «авангардная» утопия (футуро-конструктивистская и рационалистская); «сталинская» утопия (неоклассическая, декоративно-бутафорская) и, наконец, «хрущёвская» утопия (превратившая архитектуру в систему потогонного строительства, в убыточную, но, как выясняется, весьма живучую тенденцию).

А.В. Боков даёт точную характеристику современному состоянию теории архитектуры: «такая теория в качестве единого, непротиворечивого, систематизированного целого – фактически отсутствует. Сегодня теория архитектуры сложена из целого ряда фрагментов. И она продолжает жить, существовать этими фрагментами...»

Рисуется некая виртуальная пространственная ситуация с отдельными «островами», где «теплится» теоретическая мысль, поддерживаются отдельные подходы и методы исследований. Однако «острова» теории «омываются» стихией строительной и градостроительной практики, которая живёт своей, прежде всего, экономической жизнью, никак не соотносясь с соображениями теоретиков архитектуры. И такая практика явно не создаёт гуманной городской среды, можно сказать, попросту уродует наши города и наше видение архитектуры.

Надежда возлагается на город как на объективную данность, пребывающую в неустанном самовоспроизводстве, обладающую верифицируемыми законами развития, которые могут быть проанализированы и способны составить основу некой новой теории, отражающей только ещё складывающейся мировоззрение – новой среды обитания.

Павлов Николай Леонидович (Москва) в статье «К проблеме создания фундаментальной теории архитектуры» задаётся вопросом о самой сущности архитектуры как всеобъемлющего, общекультурного феномена. Утверждается философское положение о том, что общечеловеческий смысл Бытия «реализуется в виде архитектуры в результате процесса проектирования», где проектирование, проектная деятельность понимается как «бросание вперёд» – предопределение и создание «самого Будущего».

Фундаментальная теория архитектуры должна опираться на осознание «законов» её собственного становления и развития, которые, в свою очередь, являются продолжением всеобщего природного и культурного генезиса, принципиально открытого познанию.

Наряду с фундаментальной теорией, выделяются прикладные области научного знания, которые относятся к «техническим» и, в известной степени, «внешним» по отношению к архитектуре. «Технические» факторы тоже влияют на архитектуру при её разработке в конкретной культуре, эпохе, архитектурной школе, в творчестве конкретного мастера, что вовсе не отменяет, а скорее дополняет и специфицирует ход всеобщего генезиса архитектурной – читай, общечеловеческой – мысли.

Конкретное произведение архитектуры тогда служит отражением и одновременно «вместителем», в нём запечатлевается «единий смысл Бытия», и из него может быть, сколь угодно, развернут, используя ключи, даваемые осознавающей генезис теорией. Каждое Здание тогда

повествует о Мироздании как о пространственном построении и как о непрерывном процессе саморазвёртывания всеобщего смысла Вселенной, «мерцающем» в архитектурном творчестве, коему следует быть «подмеченным» теорией.

Н.Л. Павлов в ряде работ последовательно развивает мысль о том, что «архитектурное пространство – пространство созидания – обладает своими собственными законами зарождения, становления и развертывания. На всех своих уровнях: от пещеры и простейшей хижинки до естественного города, ставшего мегаполисом, оно развертывается от изначально-го смысла, некогда заложенного человеком в его центре». [3, С. 67]

Н.Л. Павлов неизменно проводит и углубляет представление «о внутренней логике архитектуры», «о закономерностях архитектурной формы и архитектурного пространства, о давно забытых, изначальных смыслах и не вполне осознанных идеях, из которых как из семян развертывалось всё богатство пластических форм, наконец, о нескончаемом человеческом опыте воплощения в творчестве глубинных, чаще всего неосознанных представлений о целостной гармоничной Вселенной» [4, С. 4]

Такие построения могут показаться метафизическими, но они могут послужить делу осознания профессией своей высокой миссии – «дарить видение» и воспитанию молодых архитекторов и архитектуроедов, способных ощутить пространственную основу (не только «языковую», «музыкальную», «цифровую») мироустройства и фундаментального научного знания.

Капустин Пётр Владимирович (Воронеж) в своём эссе «Теория архитектуры: от проблем понимания к идеям организации» поднимает одну из проблем, важных для выбора направления дальнейшего развития методологий теоретических исследований и для самопонимания и самоутверждения архитектуры как особой области деятельности в культуре.

Это проблема «языка архитектуры», её лингвистической составляющей и её возможного внелингвистического статуса. Другими словами, имеют ли наше восприятие пространства и операции по его созданию лингвистическую основу либо здесь, напротив, первичны свои специфические чисто пространственные мыслительные процедуры, – и тогда именно их следует изучать и пытаться осознанно культивировать, – или же имеет место какое-то взаимодействие обоих начал.

Специфика ситуации в том, что, начиная с 70-х годов, теоретическая мысль в архитектуре (помимо чисто описательных искусствоведческих техник) в основном шла «в кильватере» других и более развитых гуманитарных наук, примеряя к себе их проверенные методы по преимуществу текстуального анализа: литературоведение, лингвистика, герменевтика, семиотика, деконструктивизм. Однако сегодня сами эти «науки о языке», похоже, осознали «тупиковость» своих попыток строить описание языка и мира, исходя из наблюдений за одной лишь завораживающей «игрой» лингвистических дефиниций и от изучения означающих процедур обратились к смыслу и плану референции: к контексту, месту высказывания и действия, физически существующим вещам, телесности и, наконец, – к пространству. Выяснилось, что пространственные отношения, укоренённые в природном развитии и в культуре, лежат в основе самих языковых семантических структур. [5, 6, 7] Современные философия, когнитивистика, когнитивная лингвистика, антропология, «остатки»

структурализма и др. науки озабочены пространством, и в изучении пространственных отношений ищут выход к новым методологиям. Похоже, ситуация для архитектурной науки и архитектурной профессии складывается по арабской поговорке: «Когда караван делает кругой поворот – и хромой верблюд может оказаться во главе каравана».

Возникает вопрос: готовы ли архитекторы, будучи по определению чуть ли не единственными специалистами по работе с пространством, осознать специфику пространства и отношений между формами среды и сделать такое своё «ремесленное» понимание достоянием общенаучным? Интересно и другое: осуществляется ли коммуникация между людьми и формами, существует ли текст (пусть невербальный) архитектуры, и повествует ли нам архитектура о чём-то существенном?

П.В. Капустин на последний вопрос отвечает утвердительно, он говорит о нарративности архитектуры – пространство, среда «рассказывают» нам историю и хранят память в самом своём умном устройстве. «Витаются в блогосферах» А.Г. Раппапорт «предлагает считать, что Архитектура разговаривает сама с собой». Нарративность предполагает, что есть говорящий и воспринимающий высказывание, нарратор и нарратор, и между ними всеми возникают отношения, и могут завязаться коллизии. [8] П.В. Капустин начинает говорить, с одной стороны, о безальтернативной данности, подлинности, изобразительной правдивости архитектуры, с другой, о «театрализации» «в нашем архитектурном королевстве», о сценариях нашего общения с архитектурным пространством и формами и, надо полагать, форм между собой.

Быстро меняющихся обстоятельствах от теории архитектуры сегодня требуется «высокая степень рефлексивной и самокритической самоорганизации» и готовность «по-новому обсуждать организационные аспекты и само место теории в архитектурной деятельности».

Явейн Олег Игоревич (Москва-Санкт-Петербург), **Янковская Юлия Сергеевна** (Санкт-Петербург) в статье «**Современная архитектура как индивидуальное порождение и коллективное действие**» связывают появление определённых смысловых и образных структур в архитектуре с организацией проектной деятельности, прохождением различных по своему составу участников творческих процессов.

стать участниками творческих процессов. Первый – персонализированный авторский процесс, когда можно, как К.С. Мельников, сказать: «Архитектура не искусство, если автору имя легион, и архитектура искусство, если у автора есть имя» [9, С. 149]. Второй – коллективное творчество, где искусство архитектора состоит в принятии на себя функций менеджера и медиатора разрозненных действий всех участников архитектурно-строительного цикла. Об авторстве в этом случае вопрос может и не стоять.

Первый процесс авторы статьи связывают с качеством целостности концепции, архитектурных построений и итоговой моносубъектной структуры, уподобляемой организму. Здесь возможны попытки к простому и целостному образу и интуитивные озарения автора, – как следствие его связи с лотмановской «семиосферой», – выход далеко за пределы профессии и радикальные предвосхищения «ряда ключевых междисциплинарных идей и философских обобщений». Второй процесс, протекающий в условиях диалога и интерсубъективных взаимодействий, отмечен появлением синкетических структур и

компромиссных решений, которые проявляются в эпохи, когда система довлеет над субъектом. Выстраивание бинарных оппозиций и разведение разнородного материала в двойные ряды с последующей богатой комбинаторной вариативностью и появлением разнообразных «гибридов» – типичная структуралистская исследовательская процедура. Вместе с тем, традиционный структурализм, прибредший известную гибкость и обогащённый рассмотрением исследуемых феноменов в деятельности, в творческом процессе, способен не просто выявить скрытие структуры, а охватить их в динамике, в морфогенезе и установить известный порядок в теоретическом архитектурном дискурсе.

Ткачев Валентин Никитович (Москва) в тексте «**Движение к чистой форме**» проявляет свой исследовательский интерес к психологии видения, восприятию тектонической ясности и выразительности архитектурных форм. В различные эпохи и в процессе общечеловеческого архитектурного морфогенеза появляются наиболее «сильные» – чистые формы. Отмечается, что чистой форме, с которой начинались античная, интернациональная архитектура, хай-тек, постоянно угрожает процесс агглютинации (связанный с избыточностью «красивых» деталей и общей перегруженностью композиций), завершающий каждый архитектурный цикл. Именно такой период – «угасания «стареющего» стиля» – в развитии архитектуры мы сейчас переживаем.

В.Н. Ткачёв убеждён, что настало время остановить пульсирующий процесс подобной ренецикарнации, что требует смены архитектурной парадигмы, перестройки мировоззрения архитекторов и потребителей архитектуры и установления приоритета чистой формы и рациональной гармонии.

Холодова Людмила Петровна (Екатеринбург) в своём эссе «**Очарование искусственности**» представляет перспективные на ближайшее будущее направления исследований в области архитектуры и отмечает, что процесс познания – а уж тем более процесс архитектурного творчества – носит не только рефлексивный и аналитический, но и интуитивный характер. Как и прежде стоит задача создания целостного образа человека и гуманной архитектурно-пространственной среды. Однако новые исследования в области теории архитектуры в период информационной эпохи связаны с качественным изменением самого человека, который из человека аналогового постепенно превращается в человека цифрового. Более того, «очарование искусственного завораживает». Искусственная среда обитания, – которая дополняется новыми качествами искусственности – нуждается в осмыслении, а сами новые реалии и проявления среды – в «кatalogизации» и разумном использовании.

Полещук Максим Николаевич (Москва) в своей проблемной статье «**Некоторые основания развития теории архитектуры в современных условиях**» отмечает, что традиционные историко-эволюционные подходы не способны описывать современные процессы в архитектуре в период цифровой глобализации. Применение анализа в «предпроектных исследованиях» ограниченно, если не происходит развития общетеоретических оснований. В условиях формирования инновационной экономики, ввиду спада интереса к теоретическим исследованиям, необходима систематичная деятельность по их

поддержанию, поиск новых форм их проведения в союзе с обществом, с бизнес-структурами, выстраивание новых общенаучных оснований теории архитектуры, что нашло отражение в авторской концепции «Институализации инновационного развития в урбанизме, архитектуре и дизайне».

Алексеев Юрий Владимирович (Москва) в статье «**Подход к оценке эволюции научных проблем в системе управления градостроительной деятельностью**» излагает авторский организационно-методический подход к выявлению актуальной научной проблематики и решению задач градостроительной политики. Для проведения последней необходимо создание системы координации и организации планирования поселений и регионов, градостроительного и архитектурно-строительного проектирования, научной деятельности и профессионального образования. Представленная система должна отражать реальное градостроительное развитие и давать возможность его прогнозирования, что позволит осуществлять текущий мониторинг эволюции научных проблем всеми заинтересованными сторонами: управлением структурами, научными, проектными, образовательными институтами, отдельными профессионалами. Теоретически выстроенная система призвана отражать различные точки зрения, тенденции и стратегии развития регионов и поселений, в долгосрочной и краткосрочной перспективе. Ю.В. Алексеев своей статьёй перебрасывает своего рода «мост» от теоретических дискурсов к постановке проблем уже следующего круглого стола в журнале «Архитектура и строительство России» – ОБРАЗОВАНИЕ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Топоров, В.Н. Эней – человек судьбы. Часть I. – М.: Радикс, 1993. 208 с.
2. Боков, А.В. Пять статей. – М.: Издательство ООО «Строительный эксперт», 2019. 145 с.
3. Павлов, Н.Л. Архитектурное пространство: Зарождение. Становление. Развёртывание // Архитектура и строительство России. – 2016. № 3 (219). С. 60–67.
4. Павлов, Н.Л Алтарь. Стула. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 368 с.
5. Лакофф, Джордж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга I: Разум вне машины / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Гностис, 2011. 512 с.
6. Langacker, Ronald W. Foundations of Cognitive Grammar. Volume I. Theoretical Prerequisites. – Stanford: Stanford University Press, 1987. 550 p.
7. Jackendoff, Ray. Semantic Structures. – Cambridge, Massachusetts, London: The MIT Press, 1991. 322 p.
8. Iser, Wolfgang. The Act of Reading: A Theory of Aesthetics Response. – Baltimore, London: John Hopkins University Press, 1980. 239 p.
9. Константин Степанович Мельников: Архитектура моей жизни. Творческая концепция. Творческая практика / сост. А.А. Стригальёв и И.В. Коккинаки. – М.: Искусство, 1985. 331 с.